

1. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК: 303.03; 347.78

1.1. Интеллектуальная собственность и генеративные сети

Козырев А. Н., ЦЭМИ РАН, г. Москва, Россия

В статье представлен анализ принципиальных различий между произведениями науки и массовой культуры, игнорируемых современным законодательством об авторском праве и юридическим сообществом. Современные генеративные сети лишь усугубляют уже имеющийся здесь дисбаланс интересов и прав сторон, порождая новые проблемы в образовании и науке, а также в названных выше отраслях. Их решение нельзя оставлять лоббистам и юридическому сообществу. Предлагается ряд конкретных поправок в действующие законы, позволяющие решить часть проблем.

Введение

Появление генеративных сетей, способных создавать тексты, рисунки и другие продукты, традиционно относимые к продукции креативных индустрий, меняет условия игры на том поле, где правила игры и соблюдение этих правил определяют современные институты интеллектуальной собственности, прежде всего, институты авторских и смежных прав. Это и новые возможности, в том числе для креативных индустрий, и новые проблемы, причем не всегда там, где их ожидают и пытаются решать юристы, думающие над глобальными проблемами или просто модными темами.

Три интригующих вопроса

Реакция думающего юридического сообщества на изменение условий игры на поле интеллектуальной собственности в основном касается трех вопросов:

1. Распространяется ли правовая охрана на произведения, созданные нейросетью?
2. Кого считать автором произведения, созданного нейросетью?
3. Считать ли несанкционированное использование охраняемых произведений для обучения нейросети нарушением исключительных прав на эти произведения?

Именно эти три вопроса с теми или иными вариациями занимают центральное место в сегодняшних обсуждениях¹, хотя только ими обсуждения, разумеется, не исчерпываются. Сразу стоит сказать, что первые два из них в такой постановке достаточно бессмысленны, а третий, напротив, не только содержателен, но и несет в себе опасность. В целом же такая постановка вопросов ущербна уже потому, что вопросы ставятся слишком узко. Во-первых, принимаются во внимание интересы только создателей контента, включая как тех, кто создавал контент, на котором обучаются нейросети, так и тех, кто на этой основе создает новый контент с помощью нейросетей. За пределами рассмотрения остаются интересы тех, кому этот контент предстоит потреблять, включая тех, кто его потреблять не хочет. Во-вторых, также за пределами рассмотрения остаются радикальные различия между интересами индустрии развлечений, включая работающих в этой сфере авторов, с одной стороны, и представителей науки и образования, с другой стороны. Наконец, в-третьих, ничего не говорится об интересах самих юристов, хотя здесь они – одна из сторон, отнюдь не заинтересованная в радикальном решении проблем.

Поток «произведений науки» и «фактов», генерируемых нейросетями, опасен для настоящей науки, как и поток сгенерированных дипломных работ – для образования. А потому возникающие здесь проблемы слишком значительны и многоплановы, чтобы можно их было доверить юристам, как: «Война слишком серьезное дело, чтобы доверять его военным».² Можно провести еще одну актуальную на сегодняшний день параллель: «Война – это прежде всего логистика, логистика и еще раз, логистика»³. Если же говорить об интеллектуальной собственности и генеративных сетях, то слишком важную роль играют экономика (интересы) и математика, хотя роль права как науки тоже отрицать нельзя.

О междисциплинарном подходе и отличии юристов от военных

Сходство юристов с военными в подходах к решению новых проблем состоит, как минимум, в том, что те и другие приступают к решению новой задачи с поиска аналогии в ближайшем прошлом. Если подходящую аналогию удастся найти, то действуют по аналогии. Отсюда известная фраза Черчилля о

¹ Евгения Ефименко. Нейросети против авторского права: кто кого // ПРАВО.RU (сетевое издание), 28.02.2023. - <https://pravo.ru/story/245161/>

² Слова министра иностранных дел послереволюционной Франции Шарля Мориса Талейрана (Талейрана-Перигора, 1754—1838). http://www.epwr.ru/quotation/txt_374_2.php

³ <https://anlazz.livejournal.com/614698.html>

том, что «генералы всегда готовятся к прошлой войне»¹, но точно так же вынуждены поступать и юристы, других инструментов в их распоряжении нет, эксперименты им, как и военным, противопоказаны.

О военных существует много других колких фраз, но справедливости ради надо помнить, что никто не заинтересован в войне меньше, чем сами военные. С юристами ситуация прямо противоположная. Разумеется, они могут искать окончательное решение вопроса о том, как совместить интересы сторон в конфликте между индустрией производства контента с применением нейросетей и авторами, но они совсем не заинтересованы в том, чтобы такое решение найти. Разумеется, в долгосрочной перспективе они заинтересованы в том, чтобы индустрия развлечений с применением нейросетей не убила талантливых авторов и не деградировала сама. А такая перспектива вполне реальна. Но это – «вершина айсберга».

Юристы играют особую роль в принятии решений по вопросам, связанным с интеллектуальной собственностью. Кем бы ни готовилось решение по сложному вопросу, какие бы задачи при этом ни приходилось решать техническим специалистам и экспертам из разных областей знания, на последнем шаге в игру вступает юрист. От него, его квалификации и наличия вторичных интересов зависит очень много, в чем-то это напоминает эффект «последней мили» в логистике или в области связи. А потому обойти вопрос об интересах юристов было бы просто наивно и антинаучно. При этом речь может идти и об адвокатах, и о судьях, и о тех, кто представляет юридическую науку или учит праву. Все это разные сообщества, но они пересекаются, обмениваются опытом и меняют специализацию, но остаются кастой. Так их и надо воспринимать в ходе исследования, если цель – решение проблем в конкретной области.

Генеративные нейросети как угроза образованию и науке

В сфере образования генеративные сети совершают вполне ожидаемый и достаточно неприятный для профессуры и будущего страны поворот. Учащиеся все чаще используют нейросети для «написания» курсовых и дипломных работ. Бороться с этим достаточно трудно, о чем много и ярко говорили на семинаре в МГУ². В дискуссии принимали участие математики и экономисты, но в результате стало понятно, что самая уязвимая страта – преподаватели политэкономии и правовых дисциплин. «Профессор Лопух» – это про них³, а вот «аппаратура при нём, при нём» – совсем наоборот, это про недобросовестного студента с аппаратурой для контакта с нейросетью. Хуже того, такие студенты, а потом выпускники составляют настоящим квалифицированным юристам и могут реально победить в среднесрочной перспективе. Отсюда, можно сделать вывод, что генеративные сети несут огромную опасность для образования в том виде, в каком оно существует сейчас, как и для тех, чей голос или внешность «украли» нейросети⁴. Достаточно неприятная перспектива просматривается и для науки, точнее, для системы научных коммуникаций, а следом и для науки в целом.

Тема интеллектуальной собственности в науке сегодня приобрела несколько неожиданный оборот, связанный с определенным дисбалансом интересов и прав сторон, чьи интересы должен защищать закон. В науке создатели и потребители контента – сами ученые, а стороны – это авторы произведений науки (ученые) и распространители такого контента (научные журналы и библиотеки), но не создатели и потребители произведений, как в массовой культуре. Смещение баланса прав в пользу авторов (создателей) привело к урезанию прав научных журналов и библиотек. Так авторское право становится токсичным [Козырев, 2020], как минимум, для науки и без генеративных сетей, которые лишь вносят новые проблемы. А их решение по аналогии с тем, как действовали раньше, расширяя сферу правовой охраны, поддерживая серийных истцов и борясь с новыми технологиями, как в свое время боролись с торрентами, грозит обернуться полным коллапсом научных электронных библиотек и журналов.

Баланс интересов и прав сторон, его нарушение и последствия

Чтобы понимать логику изменения правил, действующих в рассматриваемой сфере, для начала имеет смысл вспомнить, как они появились, и посмотреть, как и почему они менялись в дальнейшем. Это само по себе не позволяет найти правильное решение сегодняшних проблем с генеративными сетями, но может избавить от некоторых заблуждений, подсаживающих ошибочные решения.

Технический прогресс как источник дисбаланса интересов и прав сторон

Прежде всего стоит напомнить, что права интеллектуальной собственности с самого начала появились как жалованные, а не естественные права. Сегодня не очень принято употреблять первый из этих терминов, юристы предпочитают говорить о позитивных и естественных правах, что, вероятно, правильно, но несколько затемняет тот факт, что и патентное, и авторское право появились как некие привилегии, предоставляемые отдельным лицам в обмен на определенные обязательства. В случае с патентами это была временная монополия на использование изобретения в обмен на раскрытие его сути вместо сохранения в секрете. Так, в 1421 году Филиппо Брунеллески, который изобрел корабельный поворотный кран, получил от правительства Флоренции трехгодичную монополию на использование этого изобретения в обмен на раскрытие его сути. С авторским правом несколько сложнее в том плане, что труднее

¹ Уинстон Черчилль, <https://www.livelib.ru/book/69460/readpart-aforizmy-vojna-i-mir/~2>

² Круглый стол по исследованиям цифровой экономики на тему «Искусственный интеллект и учебный процесс» // Youtube.com (сетевой ресурс), 05.04.2023. - <https://youtu.be/HLrEGY19t8s>

³ https://static.tildacdn.com/tild3532-6636-4635-a433-323063643338/_2023-06-13_192955.png

⁴ <https://dtf.ru/u/952987-holly-forve/2073096-iz-golosa-banka-v-p0mo>

найти столь же яркую точку отсчета, но суть в том, что и в этой сфере все большую роль играет чистый прагматизм. В нем вообще не было необходимости до появления некоторых технических средств, то есть в том и другом случае в основе технический прогресс, а исключительные права власти жалуют определенным лицам, чтобы снять противоречия, мешающие прогрессу.

Под влиянием технического прогресса меняется баланс интересов и прав, которыми наделяются обладатели патентов или исключительных авторских прав, с одной стороны, и потребители охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, с другой стороны. Каждое достижение в области информационных технологий, например, в технике копирования или передачи информации, влечет некоторое смещение этого баланса в пользу тех, кто занимается копированием, в том числе незаконным копированием чужих произведений [Adelstein & Peretz, 1985]. Для восстановления баланса каждый раз предпринимаются ответные меры, в том числе правовые. К ним относятся изменения в области авторского права, расширяющие возможности обладателей исключительных авторских прав, и/или изменения в патентном законодательстве, расширяющие сферу правовой охраны, а также спектр возможных действий по осуществлению исключительных прав, включая действия принудительного характера (intellectual property enforcement). В результате баланс интересов и прав восстанавливается и сохраняется до появления нового фактора, меняющего этот баланс. Сегодня в этом качестве выступает небывалый прогресс в области создания и обучения генеративных нейросетей. Баланс нарушен, и его надо восстанавливать. Но как?

Из сказанного вовсе не следует, что нужно снова расширять область правовой охраны, ужесточать принудительные меры и бросать все силы правоохранительных органов на борьбу за права авторов. Для начала надо оценить характер и масштаб произошедших сдвигов. Есть достаточно оснований полагать, что для восстановления баланса надо не расширять, а сужать область правовой охраны. Все здесь имеет свою цену, надо просто понять, в чем она выражается. Тут невольно вспоминаются слова следователя в одном деле о музыкальном «пиратстве». Оценив сложность дела, он грустно заметил: «Это дело нам будет стоить двух нераскрытых убийств». Так он обозначил цену вопроса, но речь шла не просто о «пиратстве», а о бизнесе организованной преступности. Возможно, названная им цена в два нераскрытых убийства была оправдана. Но, важен сам принцип и цена вопроса. Если каждый может творить, то грош цена этому творчеству и нет нужды его охранять, хотя результат и красив.

Лоббирование интересов креативных отраслей и появление серийных истцов

Также далеко не праздным следует считать вопрос о том, не был ли баланс интересов и прав сорван нарушен до появления современных генеративных сетей. Ответ очевиден. Сегодня трудно говорить о восстановлении баланса, после того как он был нарушен быстрым распространением цифровых технологий, что очень больно ударило по интересам креативных отраслей, включая индустрии развлечений и программирования. Реакция законодателей на эти изменения оказалась необычно активной. Наиболее радикальные реформы произошли в авторском праве, причем в первую очередь в США. Наиболее впечатляющие изменения связаны с вступлением в силу Digital Millennium Copyright Act (DMCA) в 1998 году. В том числе этот закон распространил правовую охрану на технические средства защиты от копирования, что казалось совершенно немыслимым еще за несколько лет до его введения. Следом аналогичное расширение сферы применимости авторского права происходит в странах Европы и в Японии.

Примечательно то, что большинство изменений в законодательствах ведущих стран мира, принятых в начале тысячелетия, называемого «цифровым», ведет к ограничению обмена научной информацией и затруднению научного поиска, что заведомо вредно для науки и, прежде всего, для фундаментальных исследований. Эти изменения затронули и Россию. В конце XX и начале XXI веков тема интеллектуальной собственности в науке обсуждалась на фоне резко возросшей популярности тезиса "наука сама должна зарабатывать" и ряда изменений в законодательстве, принятых под давлением промышленного лобби, включавшего крупных производителей программного обеспечения, кино и музыкальной продукции, но без учета интересов фундаментальной науки и общества в целом. Примечательно, что Россия здесь не исключение, что следует из [Royal Society report, 2003]. В этой связи уже не кажутся окончательно похороненными идеи специального института "научной собственности" или "научной интеллектуальной собственности" [Еременко, 2000]. Хотя после дискуссии конца 20-х годов прошлого века эта идея казалась лишенной смысла [Розенберг, 1993], сегодня она снова на слуху, как будто без нее склок мало.

Три названные выше отрасли указаны прямо по той причине, что именно они или, точнее, их представители (юристы) лоббировали изменения в области авторского права и законодательства о распространении информации в интернете, породившие странное на первый взгляд явление – поддержку судебной системой атаки серийных истцов на фундаментальную науку. Впрочем, проблема шире и глубже. Цифровые технологии оказались не только в руках тех, кто копирует и распространяет цифровые продукты, но и у тех, кто собирает информацию о нарушениях исключительных прав и способен предъявить множество исков о компенсации ущерба. Так появились серийные истцы, действующие в различных сферах бизнеса, включая розничную торговлю, разные формы сетевого бизнеса, стартапы, то есть везде, где можно найти нарушения чьих-то исключительных прав. Важно лишь то, что таких нарушений много, а нарушители даже не догадываются о том, что что-то нарушили.

Атака серийных истцов на фундаментальную науку – всего лишь «вишенка на торте», проблема серийных истцов много шире, а решить ее много сложнее, чем это может показаться, если забыть о лобби-стах, чьими усилиями создана почва для этого явления.

Серийные истцы как бизнес и последствия для науки

Серийные истцы в сфере исключительных прав – это юридические фирмы, действующие от имени правообладателей на основе соглашений с ними против нарушителей таких прав, что само по себе не может вызывать порицания, скорее, наоборот. Более того, многие юристы считают такую практику нормальной и даже приветствуют. Но следует соизмерять ущерб, причиняемый правообладателям действиями нарушителей, и ущерб общественным интересам, причиняемый жесткими мерами по охране их исключительных прав [Karaganis, 2011, Waldfogel 2018]. Дьявол, как всегда, в деталях. Эти детали касаются в том числе специфики произведений науки и специфики отношений внутри науки.

Дисбаланс прав авторов, распространителей научной продукции и ее потребителей стал причиной очень странного на первый взгляд явления – атаки серийного истца (пока одного) на научные электронные библиотеки, научные журналы и фундаментальную науку в лице самой РАН. В этой истории действующие лица реальны, хотя имена ключевых фигурантов далее не называются.

Начиналось все, как обычно. Автор (назовем его так) публиковал свои статьи в научных журналах, выходявших в те времена в печатном виде (на бумаге). Договоры с авторами заключались в упрощенной форме. Автору достаточно было подписать рукопись и передать ее в журнал. Обе стороны понимали, что ученый передает рукопись в журнал, чтобы ее опубликовали. Его интерес – в донесении своих идей до коллег по цеху, а потому от него нельзя ожидать противодействия тому, чтобы статью не только оцифровали, но и представили в возможно большем количестве научных библиотек.

С появлением интернета и распространением цифровых технологий появилась возможность оцифровать старые номера журнала и разместить на его официальном сайте, а также передать копии в появившиеся научные электронные библиотеки. Журналы этим воспользовались, делая ранее опубликованные статьи доступными длякратно большего числа ученых, их стали цитировать, поднимая тем самым рейтинг их авторов в профессиональной среде. (Но, как оказалось, среди авторов есть исключения).

По логике типичного ученого тут нет повода для претензий, а потому издателям научных журналов не приходило в голову тратить силы на поиск своих бывших авторов и заключение с ними договора о распоряжении правами на электронные версии статей. Но не все ученые типичны. Некоторые из них имеют необычное для ученых представление о ценностях. Такой ученый организует фирму, которой по лицензионному договору передает исключительные права на свои ранние произведения. И тут обнаруживается, что журналы оцифровали его статьи и выложили в сеть, не имея на то разрешения правообладателя. Хуже того, они заключили договор с некоторыми электронными библиотеками о размещении в них этого «пиратского контента». Не подозревая ловушки, на этот «пиратский контент» сослался ресурс Соционет, а базировался Соционет на сервере, предоставленном ему ЦЭМИ РАН. В итоге нарушителями авторских прав нетипичного ученого оказались все, то есть издатели научных журналов, научные электронные библиотеки, владелец ресурса Соционет, ЦЭМИ РАН и сама РАН. И вся судебная система РФ, включая Суд по интеллектуальным правам, встала на защиту прав истца. Все нарушители должны выплатить компенсацию, нарушителей много, а потому общая сумма не так уж мала. Все это можно было бы принять за бред, но история реальная, а в ее основе – дисбаланс в распределении прав, возникший в результате изменений в законодательстве, принятых под давлением индустрий кино и программного обеспечения, но без учета последствия для науки. Если пример окажется заразительным, то у научных журналов и электронных библиотек будет много проблем, а следом и у тех, кто ими привык пользоваться.

Попытки простого решения и необходимость поиска нормального компромисса

Так или иначе, серийных истцов, атакующих научные журналы за распространение своих ранее опубликованных статей, а научные электронные библиотеки за размещение аннотаций (тоже без разрешения) пока еще мало. Точнее, такой истец пока ровно один. Но его успех может окрылить других. А пока основное сражение с серийными истцами идет в других областях, где их побольше. Одна из них – фото с выкладыванием фотографий в сеть. О ней говорили на круглом столе в Совете Федерации 27.02.23.

Круглый стол в СФ как попытка простого решения сложной проблемы

После внимательного прослушивания видеозаписи круглого стола 27 февраля 2023 года в СФ РФ, целиком посвященного теме серийных истцов в области авторского права на фотографии, складывается двойственное впечатление. С одной стороны, высказанное на столь высоком уровне желание разобраться с проблемой само по себе событие, которое можно только приветствовать. Особо стоит отметить роль ректора Санкт-Петербургского Горного Университета Владимира Стефановича Литвиненко. Его авторитет и гражданская позиция здесь явно сыграли ключевую роль уже в том, что такое обсуждение вообще состоялось. С другой стороны, приходится с сожалением отметить, что вопрос был поставлен слишком узко, а результат неубедителен. И дело не только в том, что ничего не было сказано о проблеме научных электронных библиотек и научных журналов, также ставших объектами атак серийного истца. Гораздо хуже то, что все обсуждение шло на уровне «закон и/или здравый смысл», научный анализ проблемы и поиск решения не предполагался даже в качестве одного из возможных подходов. Зато как одно из возможных решений всерьез обсуждалось предложение о снижении размеров компенсации за нарушения до 10 тысяч рублей, что само по себе делает бизнес такого рода бессмысленным. При этом как-то было забыто, что те же нормы распространяются на другие объекты, нарушения авторских прав могут принести ущерб больше на много порядков, если речь идет о кинофильмах или программном обеспечении, а

также о том, как в свое время лоббисты продвигали интересы этих двух отраслей. Правда, вспомнили про очень дорогое фото, сделанное не сегодня и не вчера в очень необычных обстоятельствах. Зато отдельные участники дискуссии «креативили на полную катушку», наивно полагая, что они уже нашли решение или найдут, причем это решение будет сбалансированным, приемлемым для всех сторон. Самое удивительное утверждение из того, что там говорилось, стоит процитировать дословно

«Боже мой, университеты, товарищи, единственное, что производят в этой жизни, производят интеллектуальную собственность, и они больше ничего не производят. Все остальные миссии благие, воспитание там подрастающего поколения и так далее – это важно, но продукт университетов – это фотографии, это банки данных, это конструкторская документация, чертежи, изобретения». (Источник – видеозапись¹, метка-время 1:18:17-1.18.29)

Тут все перевернуто с ног на голову. Сидевшие за столом юристы не возражали, хотя им в лицо было сказано, что они побочный продукт юридических вузов или факультетов. Если говорить конкретно про Горный Университет, то он производит горных инженеров, в этом и состоит его главная задача, а отнюдь не благая миссия, как о том сказано в цитируемом фрагменте. Но об этом никто не напомнил.

Фотографии упомянуты в цитируемом отрывке по той причине, что вся обсуждаемая на том заседании история началась с исков о нарушении прав на фотографии, часть из них была связана с разработкой месторождений и других технических вопросов. Именно про эти фото имеет смысл поговорить, поскольку остальные к науке и профильной деятельности университета отношения не имели, их трудно назвать продукцией университета. Проблема возникла по той причине, что права на эти чисто технические фото не были хоть как-то оформлены, договоры с сотрудниками по поводу загружаемых ими в общую базу фото не заключались. Такая традиция в этом славном институте существовала давно. Можно ли сказать, что это и было ошибкой? Кому-то покажется, что «да». Но ведь профессия геолога – не сутяжничество. Тут правильное решение должно быть по умолчанию. Иначе говоря, если договора нет, то решение по закону должно быть таким, каким оно было бы по договору, если бы стороны заключали договор добровольно и в полном сознании. А оно было бы именно таким, как оно оформилось в традиции, а не наоборот. Кстати, напрасно наших юристов такому подходу не учат.

Внимание целевой аудитории как самый дефицитный ресурс

Если подходить к обсуждаемой теме с позиций науки, то следует вспомнить о таком направлении экономической мысли, как экономика внимания [Милкова, 2021]. Оно возникло относительно недавно, но активно используется бизнесом. По мере цифровизации экономики самым дефицитным ресурсом становится внимание целевой аудитории, особенно ярко это проявляется в креативных отраслях, поскольку их продукция поддается оцифровке практически без потери качества, а потом тиражируется практически без затрат. Использование нейросетей в производстве такой продукции еще больше усугубляет эту тенденцию, поскольку очень простым и дешевым становится не только тиражирование продукции, но и изготовление «оригинала»². В этом случае сам продукт обесценивается практически до нуля, если не придать ему свойство редкости каким-то искусственным способом. Именно эту функцию выполняет правовая охрана произведений при условии, что интересы правообладателя реально защищены, то есть обеспечивается принуждение к соблюдению его исключительных прав. Такая защита может стоить очень дорого и самому правообладателю, если он нанимает юристов, и обществу, если приходится применять принуждение к соблюдению прав. И вот тут появляется перспектива крайне негативного сценария. Защита прав большого числа авторов, чьи произведения используются при обучении нейросетей, окажется столь дорогой, что перекроет все их полезные эффекты. А отсутствие такой защиты приведет к обесцениению создаваемого контента, причем не только создаваемого нейросетями, но и живыми авторами, исполнителями и всеми причастными к его производству. История в какой-то мере показывает, как это может происходить, но за частностями тут легко не заметить главного – закономерности.

Если говорить на языке кибернетики, то между расширенным производством контента, создаваемого нейросетями, и снижением его уровня существует положительная обратная связь. Чем больше будет доступных нейросетей для производства контента, тем ниже будет среднее качество производимой продукции, а чем ниже оно будет, тем больше мусора будет попадать в обучающие базы, тем ниже будет требовательность целевой аудитории и так до полного вырождения.

Капитал внимания в науке, массовой культуре и праве

Термин «капитал внимания» ввел Георг Франк применительно, прежде всего, к науке. Он считал, что ученые расплачиваются ссылками за то, что получили ценное знание из текста, на который ссылаются. Отчасти он прав, в идеале ученые так должны поступать, а иногда и поступают. И он прав на все 100% в том плане, что ученый заинтересован в максимально широком распространении своей публикации, в получении известности среди коллег, а не в получении денег за распространение статьи. В этом он радикально отличается от автора детективов, которому нужны деньги, а не просто известность и ссылки. Отсюда принципиально разное отношение к авторскому праву. Массовая культура нуждается в нем, хотя и не так сильно, как об этом принято писать, а наука должна быть открытой. Но угроза науке от появления

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=8KP1azmufR8&t=4691s>

² Кавычки тут уместны в том плане, что речь не совсем об оригинале,

массы статей, создаваемых нейросетями, может быть очень опасной. Рецензировать и выбирать из них реально ценные может стать непосильным делом (или уже стало).

Интересно здесь положение юристов. Если говорить о теоретиках, то их положение мало чем отличается от положения других ученых, но почему-то статьи в их научных журналах (включая электронные), как правило, распространяются за плату. Что касается юристов-практиков, зарабатывающих услугами, то «оплата славой» (выражение Франка) для них – вполне понятная вещь. Адвокат высокой квалификации может взяться за громкое дело, не ожидая оплаты деньгами, монетизация успеха придет потом. Как ни странно, тут даже более полная аналогия с успехом ученого, занимающегося прикладной наукой, чем в случае с теоретиками из разных наук. А теперь можно перейти к конкретике.

Произведения науки, их специфика и расклад интересов

На сегодняшний день понятие «произведения науки» в российском законодательстве не конкретизировано¹. Это дает поводы для разного рода спекуляций и недопонимания. Но все по порядку.

Специфика произведений науки

Уже само перечисление объектов «произведения науки, литературы и искусства» через запятую в статье 1225 ГК дает основания для разных толкований, хотя в Бернской конвенции ясно сказано, что понятие «произведения литературы и искусства» включает произведения науки, в том числе научные статьи, книги и брошюры. Но специфика научных статей в нашем законодательстве не прописана. Это создает проблемы, которые обострились при переходе к электронной форме публикаций.

У произведений науки очень специфический круг потребителей, в основном это сами ученые. Каждый из них выступает в обеих ипостасях, поскольку не может не опубликовать свои результаты², а научная публикация всегда предполагает наличие ссылок, показывающих в том числе достигнутый уровень научного знания по данной тематике. А потому защита прав одного конкретного автора практически всегда затрагивает интересы и права других авторов. Это может касаться не только и не столько читателей его статьи, но также авторов статей из того же сборника, номера журнала или на том же сетевом ресурсе. Если его закрыть по требованию одного автора, чьи права по каким-то причинам оказались нарушены, то пострадают все авторы, чьи статьи были размещены на том же ресурсе, а также потенциальные читатели. А это могут быть миллионы публикаций и сотни тысяч авторов. И тут самое время вспомнить о цене вопроса и о том, что права интеллектуальной собственности жалованные, а не естественные.

Отрицательная синергия разных разделов законодательства

Российское законодательство, регулирующее отношения в сфере авторского права и в области распространения информации в интернете, содержит ряд положений, которые в сочетании создают реальную угрозу существованию научных электронных библиотек и существенно мешают работе научных журналов. В частности, это касается упрощенного порядка рассмотрения дел о взыскании компенсации (ст. 1301 ГК РФ), когда они касаются научных библиотек или научных журналов, но также отдельных формулировок в так называемом «антипиратском» законе. Нормы, принятые ранее под давлением киноиндустрии, а потом распространенные на все объекты авторского права кроме фотографий, абсолютно не подходят для произведений науки. Особенность научных публикаций состоит в том, что они не изымаются из обращения. Существует практика ретракции. Если в публикации находят ошибки, плагиат или признают неверными выводы, редакция делает специальную пометку с подробной информацией о причинах ретракции. Изъятие из оборота по требованию лица, чьи права оказались нарушены, недопустимо, поскольку на публикацию могут существовать ссылки в других научных публикациях. То же касается электронных библиотек. На размещенные в них публикации могут быть ссылки с адресами в электронной библиотеке. Блокировать их так, как это делается со ссылками на «пиратские» копии фильмов, – абсурд.

Разумеется, в науке работают не только нормы права, но неписанные правила или традиции, которые временами гораздо жестче писанных норм. А потому ситуация, когда обиженный автор пытается закрыть журнал или научную библиотеку, кажется абсурдной и практически невозможной, но это ровно до того момента, пока место автора не займет представляющий его имущественные интересы юрист или в самом авторе вместо ученого не обнаружится представитель совершенно другого сословия с другими понятиями о ценностях, чести и справедливости. Наконец, можно прикрыться тезисом – «Пусть рухнет Рим, но торжествует право», заменив Рим на Науку.

Конкретные предложения о поправках.

Учитывая остроту проблемы серийных истцов, хочется предложить хоть какие-то меры, помогающие если не совсем остановить, то хотя бы снизить интенсивность негативного процесса, описанного выше. В частности, исключения, сделанные для фотографий, надо распространить на произведения науки, то есть на научные статьи, книги и препринты. Такие поправки надо включить в статью 152 закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации (№ 149-ФЗ)».

Кроме того, целесообразно исключить рассмотрение в упрощенном порядке дел о нарушении исключительных авторских прав, когда ответчиком является электронная научная библиотека. Электрон-

¹ Есть ГОСТ от РНИИС с определением, которое ничего не проясняет – <https://docs.cntd.ru/document/1200119669>

² Закрывать тематику оставляем за скобками

ных научных библиотек в стране не так много, чтобы рассматривать атаки на них со стороны серийных истцов в упрощенном порядке и удовлетворять их требования, не вникая в суть дела, как это происходит сегодня. Изменения должны быть внесены в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, а именно, пункт 3 статьи 26, пункт 1 статьи 1441, а также в статью 428 и 429.

Эпилог

Подводя итог сказанному выше, отметим, что на юридических форумах, посвящённых генеративным сетям, обсуждаются не совсем те вопросы, которые надо решать. Первые два из них (о правах на произведения, «созданные сетью») достаточно бессмысленны, третий, напротив, не только реален, но и дает повод для беспокойства. Тут стоит напомнить, что Российское авторское общество (РАО), как и авторские общества европейских стран, представляет интересы и тех авторов, которые не заключали с ним договор об этом. Если в эту обойму включить авторов, чьи произведения использовались при обучении нейросети, то возможны серьёзные последствия. Возможности злоупотреблений здесь безграничны.

Литература

1. Еременко Г.А. К общей теории интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий / Наукоеведение, 2000. N 3. – с.61–78.
2. Козырев А. Н. Авторское право становится токсичным. Что делать? // Цифровая экономика № 2(18), 2022 – с. 92–96. DOI: 10.34706/DE-2022-02-11
3. Милкова М.А. Феномен внимания в информационной среде: экономика внимания // Цифровая экономика № 3(11), 2020 – с. 73–86. DOI: 10.34706//DE-2020-03-08
4. Розенберг В.А. Научная собственность // Русская философия собственности (вв.). - СПб. СП "Ганза", 1993. - с. 401–424.
5. Adelstein R., Peretz S.I. The competition of technologies in markets for ideas: copyright and fair use in evolutionary perspective. // International Review of Law and Economics, 1985, - #5. – pp. 209–238.
6. Karaganis, J. – editor, (2011), Media Piracy in Emerging Economies. Report, 2011. – 436 pp.
7. Keeping science open: the effects of intellectual property policy on the conduct of science / Royal Society report. April 2003. – 37 p.
8. Waldfogel J. (2018) Digital Renaissance, What Data and Economics Tell Us about the Future of Popular Culture. Published by Princeton University Press 41 William Street, Princeton, New Jersey 08540 6 Oxford Street, Woodstock, Oxfordshire OX20 1TR, LCCN 2018936672, ISBN 978-0-691-16282-9.

References in Cyrillics

1. Eremenko G.A. K obshhej teorii intellektual'noj sobstvennosti v sfere nauki i texnologij / Naukovedenie, 2000. N 3. – s.61–78.
2. Kozy'rev A. N. Avtorskoe pravo stanovitsya toksichny'm. Chto delat'? // Cifrovaya e'konomika № 2(18), 2022 – s. 92–96. DOI: 10.34706/DE-2022-02-11
3. Milkova M.A. Fenomen vnimaniya v informacionnoj srede: e'konomika vnimaniya // Cifrovaya e'konomika № 3(11), 2020 – s. 73–86. DOI: 10.34706//DE-2020-03-08
4. Rozenberg V.A. Nauchnaya sobstvennost' // Russkaya filosofiya sobstvenno-sti (vv.). - SPb. SP "Ganza", 1993. - s. 401–424.

Ключевые слова

Авторское право, генеративные нейросети, произведения науки, серийные истцы экономика внимания

*Козырев Анатолий Николаевич, к.ф.-м.н., д.э.н
Центральный экономико-математический институт РАН
ORCID 0000-0003-3879-5745,
kozyrevan@yandex.ru*

Anatoly Kozyrev, Intellectual property and generative networks

Keywords

Copyright, generative neural networks, works of science, serial plaintiffs attention economy

DOI: 10.34706/DE-2023-05-01

JEL classification C 45 - Нейронные сети и относящиеся к ним темы, O 34 – Права интеллектуальной собственности: национальные и международные проблемы (патенты, авторские права)

Abstract

The article presents an analysis of the fundamental differences between works of science and mass culture, ignored by modern legislation on copyright, as well as by legal community. Modern generative networks only exacerbate the existing imbalance of interests and rights of the parties, creating new problems in education and science, as well as in the above-mentioned industries. Their decision should not be left to lobbyists and the legal community. In conclusion, a number of specific amendments to existing laws are proposed to solve some of the problems.